

Д. Е. ФУРМАН

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАССОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В США

Очень многое в современном массовом религиозном сознании США не укладывается в привычные представления о постепенной секуляризации сознания, вытеснения из него под влиянием роста и распространения научных знаний религиозных мифов. Действительно, наряду с данными, говорящими о постепенном отмирании традиционных религиозных мифов (частично они будут приведены в дальнейшем), периодически появляются свидетельства, которые на первый взгляд находятся в разительном противоречии с этой картиной.

Так, среди результатов опроса о состоянии религиозности американцев в 1984 г. есть совершенно поразительные цифры. Оказывается, 23% взрослых и 27% молодых (до 18 лет) американцев верят в реинкарнацию, переселение душ [1].

В США распространяется движение «трансцендентальной медитации» (ТМ), основанное индийцем Махариши Махеш Йоги. Он уверяет, что совместная «правильная» медитация (т. е. медитация по способу самого Махариши) определенного числа людей может предотвращать бури, землетрясения и войны и что лица, прошедшие высший (и стоящий немалых денег) курс, обнаруживают способность к левитации, т. е. подниматься в воздух и летать. В США приверженцев ТМ — 4%, причем среди окончивших колледж — 7% [2, р. 52]. Согласно данным исследования, проведенного в районе Сан-Франциско Р. Вутноу, лиц с полным и неполным высшим образованием среди «трансцендентальных медитаторов» — 84% (по выборке в целом — 59%), лиц в возрасте 16 - 30 лет — 47% (по выборке — 33%) [3, р. 21, 32]. В среде образованных молодых американцев в основном распространены учения восточного, индуистско-буддийского происхождения, а район, где сосредоточено множество центров различных восточных религиозных организаций, непосредственно примыкает к Гарвардскому университету [4.1. Но распространяются не только восточные течения.

Так называемая глоссолалия (особое психическое состояние, когда человек говорит какие-то неясные слова, что считается даром святого духа) была ранее принадлежностью сект малообразованных бедняков, прежде всего негров. Сейчас глоссолалией занимаются 3% лиц с высшим образованием, различными видами исцеления верой — 6% из окончивших колледж.

На свет вышли всякого рода гадалки, колдуны, ведьмы, и интеллигентный американец уже не стыдится обращаться к целителю-магу, гадать по китайской книге И-цзин, а солидная газета без смущения печатает гороскопы, которыми «очень интересуются» 11% выпускников колледжа и 6% окончивших аспирантуру [3, р. 48].

Наконец, необычайное распространение получила вера в современные «научные» мифы. Так, подавляющее большинство американцев верят в телепатию, ясновидение и телекинез, и около 50% «сами их испытали» [3, р. 65].

Если в бурные 60-е годы, когда новые религиозные («полурелигиозные», «парарелигиозные») течения среди американской интеллигенции впервые громко заявили о себе²,

¹ Хотя трансцендентальная медитация — самое популярное из восточных религиозных движений, в США проникли едва ли не все формы буддизма, сикхизм, суфизм и целый ряд неоиндуистских и синкретических культов. Некоторые из них мало распространены на родине их создателей и, кажется, специально созданы в расчете на американский и европейский «рынок». Кроме 4% трансцендентальных медитаторов, еще 1% населения США вовлечено в другие восточные культуры и 3% занимаются йогой (среди лиц с высшим образованием соответственно 7, 2 и 5%, лиц до 30 лет — 7, 3 и 5%).

² Новые формы интеллигентской религиозности имеют своих предшественников, и 60-е годы — рубеж, несомненно, условный. В период после Гражданской войны в США (1861 — 1865 гг.) были распространены спиритизм и культы, образующиеся вокруг разных целителей (сейчас их называли бы экстрасенсами), движение «новой мысли», из-которого затем возникла церковь «христианской науки». Интерес к восточному мисти-

ФУРМАН Дмитрий Ефимович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады. Автор книги «Религия и социальные конфликты в США» (1981). В нашем журнале публикуется впервые.

могло показаться, что это — симптомы духовного кризиса, который не продлится долго и должен вскоре чем-то разрешиться, то сейчас ясно, что говорить о них, как о кризисных явлениях можно, лишь *предельно широко понимая слово «кризис»*. Они вышли за рамки «молодежной контркультуры», и сейчас к ТМ, дзену и т. п. течениям принадлежит много вполне «нормальных» американцев, исправно работающих в университетах, корпорациях и на государственной службе. Но тогда возникает дилемма. Или мы должны признать, что секуляризация сознания не есть процесс закономерный, что она может прекратиться и «пойти вспять», оказаться в конечном счете лишь временной тенденцией. Или же это процесс необратимый (как необратим лежащий в его основе рост научных знаний), и, следовательно, распространение всех этих странных верований — какая-то своеобразная форма данного процесса, а вера в левитацию, астрологию, чудесные исцеления и т. д. — закономерная, «нормальная» форма религиозного сознания США эпохи компьютеров, роботов и проектов «звездных войн».

Попробуем разобраться в этом, соотнеся распространение подобных верований с тенденциями развития религиозного сознания, определив их место в общей эволюции массового сознания.

США — страна, в которой благодаря особенностям культурной традиции процесс секуляризации принимает в первую очередь такие формы, которые не сопровождаются разрывом с религией³. Внешне американская религиозность отличается удивительным постоянством, что неразрывно связано с прочностью общей для США системы ценностей и стабильностью американских социально-политических институтов. Согласно опросам общественного мнения, 95% американцев верят в бога, «доверие к церкви» выражают 62% — больше, чем к любому другому институту (к конгрессу и «большому бизнесу» — только 28%), 56% заявляют, что религия играет в их жизни «очень важную роль» (в 1952 г. так считали 75%), в течение недели церковь или синагогу посещают 40% опрошенных (в 1939 г.—41%, 1950 г.— 39%, 1960 г.— 47%, 1970 г.— 42%). Более того, в 1983 г. американцев, считавших, что роль религии в обществе растет, было больше, чем тех, которые считали, что влияние религии падает (44% и 42%). Таким образом, если судить по этим данным, американская религиозность — нечто неизменное и постоянное.

Разумеется, это далеко не так. Религиозная картина мира размывается и весьма интенсивно. Например, если на вопрос «Верите ли Вы в бога?» «да» ответило 95% американцев, то на менее абстрактный вопрос «Верите ли Вы в личного бога (бога, который наблюдает за нами, награждает и наказывает нас)?», «да» ответило около 70% [1, р. 27, 32, 56, 69]. Приблизительно 25% в действительности верят не в бога, а в то, что без веры жить нельзя. Но реально людей, сохраняющих веру в основные христианские догматы, еще меньше. В структуре религиозной идеологии (во всяком случае, христианской или иудаистской) вера в бога неотделима от веры в загробную жизнь. Между тем в загробную жизнь сейчас верит 58% молодых⁴ американцев [1, р. 70]. Однако словесные изъяснения принятия основных религиозных догматов и вообще собственной религиозности нельзя понимать слишком буквально⁵. Таким образом, удивительная картина всеобщей (95%) религиозности в самой развитой капиталистической стране при ближайшем рассмотрении сменяется куда более естественной картиной далеко продвинувшейся секуляризации сознания.

Представляет интерес и то, как распределены различные отношения к религиозным догматам среди разных социальных слоев. Если основная сила, разрушающая веру в религиозные мифы,— это научные знания, следует предположить, что чем больше знаний, тем меньше веры. В целом так оно и есть. Например, в буквальную истинность Библии верит 38% американцев, но среди получивших высшее образование —

цизму имеет еще более глубокие корни — в новоанглийском трансцендентализме. Но масштабы и мощь этих движений совершенно не сопоставимы с современными: тогда в них были вовлечены сотни и тысячи людей, сейчас — миллионы.

³ Об особенностях процесса секуляризации в США см. [5].

⁴ Опрос проводился среди лиц моложе 18 лет, соответствующих данных о взрослых американцах нет. Но различия их религиозных убеждений не так велики. Утрата веры в религиозные мифы происходит обычно несколько позже, уже в колледже.

⁵ Чем конкретнее вопрос и чем труднее дать на него стереотипный ответ, тем ниже процент «ортодоксальных» высказываний. Так, в начале 50-х годов опросы показывали, что в загробную жизнь верили 73—77%, тем не менее в существование ада и рая верили немногим более 50% [6].

лишь 17%. 13% всех опрошенных считает, что Библия только «собрание древних легенд и сказаний», среди окончивших колледж — 22% [6, p. 43]. (Большинство полагает, что Библия — боговдохновенная книга, в которой, однако, не все «буквально истинно».) На вопрос: «Побуждали ли Вы когда-либо какого-нибудь человека поверить в Иисуса Христа и принять его как своего спасителя?» утвердительно ответили 47% американцев, а среди окончивших колледж — 37% [6, p. 44]. Данные о верованиях членов церквей со специфически интеллигентским социальным составом говорят о том, что это в значительной мере «церкви неверующих». Так, в церкви унитариев - универсалистов (в 1967 г. 84% членов имели высшее образование) только 3% (!) верили в «сверхъестественного бога» и около 10% в загробную жизнь [7]. В «объединенной церкви Христа» лишь 4% не сомневаются в существовании бога и только 40% верят в то, что Иисус Христос — «бог и сын божий». В «епископальной церкви» лишь 56,9% верят в то, что Иисус Христос — бог, а 16,8% считают его просто «великим лидером» [8]. Учение этих церквей или само трансформируется в направлении все большей «демифологизации» или же, формально не изменяясь, «забывается».

Связь образования и уровня секуляризации сознания сохраняется и при таком специфическом типе образования, как теологическое. В США все «модернистские» течения в теологии и культе всегда распространялись сверху, от духовенства, при сопротивлении мирян. Их «естественные» очаги и источники — теологические факультеты. Недавнее исследование взглядов преподавателей теологических факультетов и семинарий показало, что 73% из них не верят в буквальную истинность Библии и 36% — в ее непогрешимость в вопросах веры и морали, соответственно 40% и 15% считают, что этого мнения придерживается большинство мирян их церкви [9, p. 51], 41% считает себя либеральнее в религиозных вопросах большинства мирян и лишь 15% — консервативнее [9, p. 57].

Итак, только 58% молодых американцев верят в загробную жизнь и одновременно 28% — в переселение душ. Неужели вера в христианские мифы исчезает только для того, чтобы ее место заняла вера в мифологические построения индуизма, чтобы вера в «чудеса» святых сменилась верой в «чудеса» медиумов и экстрасенсов, и на смену христианскому священнику пришли гуру, «ясновидящий» или просто гадалка и ведьма? На первый взгляд, дело обстоит именно так. Но не будем спешить с выводами. Падение религиозной веры естественно сопровождается ростом религиозной терпимости. Сегодня она завоевывает в США новые рубежи, начинает распространяться и на иудейско-христианские религии. Так, согласно исследованию 1924 г., 94% жителей американского городка считали, что «христианство — единственная истинная религия, и все должны быть обращены в нее», а в 1977 г. с таким утверждением согласился лишь 41% [10].

Но терпимость к чужим мнениям означает «открытость» этим мнениям, возможность принять их. Так, приверженцев восточных религиозных течений в США — миллионы, но все же в масштабах страны не так много, «интересующихся» — неизмеримо больше. Например, о трансцендентальной медитации слышали 32%, из которых ею интересуются 39%, о йоге соответственно 49% и 43%, о дзен-буддизме — 30 и 40% [11]. Однако вряд ли этот интерес приведет их к уходу из христианских и иудаистских конфессиональных организаций и вряд ли со временем в США возникнут грандиозные буддистские и индуистские церкви.

Одно из проявлений распада религиозно-догматического сознания и прямое выражение религиозной терпимости, признания того, что религиозные различия не так уж важны — это та легкость, с которой американцы меняют конфессию, переходят из церкви в церковь (при браке — в церковь супруга; при переезде из города в город, при изменении социального положения — в более «престижную» церковь). Но когда люди несерьезно относятся к официальной доктрине своей церкви, а сама церковь практически утрачивает идейный контроль, они могут принимать взгляды, совершенно чуждые их церкви, одновременно не порывая с ней. Принадлежность к той или иной церкви все меньше определяет реальные взгляды ее членов, а «стена», которая отделяет членов данной церкви от верующих других церквей и вообще от окружающего мира, становится все более проницаемой⁶. Из 4% приверженцев трансцендентальной медитации, в основе

⁶ Например, католическая церковь запрещает искусственный контроль над рождаемостью, а протестантские — нет. Поэтому в США всегда существовали большие раз-

учения которой лежит один из вариантов индуистской философии веданты,— тех, кто порвал из-за этого со своими церквями, относительно немного. Большинство же продолжает отождествлять себя с какой-либо из христианских церквей и даже — быть членами церковных организаций⁷. Разумеется, эти люди не исповедуют в полной мере учения своей церкви, не являются и настоящими индуистами, дзен-буддистами и т. д. Они — эклектики. Их мировоззрение — логическое завершение религиозной терпимости. Это терпимость, обратившаяся вовнутрь: когда спокойное отношение к сосуществованию разных религий в обществе переходит к спокойному отношению к сосуществованию элементов разных религий в сознании индивида.

Теперь становятся яснее приведенные в начале статьи огромные цифры распространения в США нехристианских религиозных течений и верований. Это — свидетельство не вытеснения христианства индуизмом, буддизмом и т. д., а усиления хаотичности и эклектичности религиозного сознания. Около 25% американцев верит в переселение душ, но только 4% причисляет себя к религиям иным, чем христианство и иудаизм (9% вообще не связывает себя с какой-либо определенной религией). Сложившиеся системы религиозных верований разрушаются и сменяются не другими системами (например, христианство буддизмом), а индивидуальными, причудливыми и нестойкими эклектическими комбинациями разнородных элементов. Современный американский интеллигент, иногда посещающий епископальную церковь, крестит там своих детей, занимается трансцендентальной медитацией, с увлечением читает литературу, допустим, по хасидизму, интересуется гороскопами и лечится у какого-нибудь перебравшегося в США филиппинского знахаря-кудесника. Его сосед ходит в пресвитерианскую церковь, занимается дзенской медитацией, читает тибетскую «Книгу мертвых», иногда гадает по И-цзин, а жена его ходит к христианскому целителю, лечащему возложением рук и молитвой. И оба они увлеченно работают в физической лаборатории.

При этом сама аморфность и «несерьезность» подобных комбинаций делает их относительно устойчивыми по отношению к научному знанию. Так, если доказывать приверженцу трансцендентальной медитации, что доктрина Махариши противоречит науке и многие ее утверждения легко опровергаются, он и возражать-то не будет. Наверное, скажет он, в учении Махариши много чепухи, но сами приемы медитации оказывают вполне реальное психотерапевтическое воздействие, «успокаивают нервы». Если филиппинский целитель оказался шарлатаном, ну и что? В конце-концов известно, что многие целители — шарлатаны, и этого быстро заменит новый «очень серьезный», владеющий магическими приемами тибетской медицины. Что касается интереса к гороскопам, то американец и сам относится к ним достаточно иронически, «хотя все-таки надо признать, что бывают удивительные совпадения». И если целостная и жесткая религиозная система «сломается», придя в конфликт с научным знанием, то в подобных комбинациях один элемент легко заменить другим⁸.

Однако на проблеме взаимоотношений верований, распространяющихся сейчас в интеллигентской американской среде, и научных знаний следует остановиться подробнее.

Если от вопроса о том, как взаимодействуют и уживаются друг с другом различные элементы новых и старых верований в сознании современного интеллигентного американца, мы перейдем к вопросу о содержании новых верований, то, конечно, прежде

личия между многодетными католическими и малодетными протестантскими семьями. Однако в 1965 г. 45% католиков высказывались за искусственный контроль над рождаемостью, а в 1975 г.—83% [12]. В 1968 г. 50% католиков были за семьи с четырьмя и более детьми, в 1981 г.— только 15% (у протестантов— 11%) [13]. Это не означает, разумеется, что различия в идеологии, психологии и поведении между членами разных церквей исчезли или исчезнут в обозримом будущем. Но это значит, что они постоянно уменьшаются.

⁷ В США 69% населения — члены церквей. Естественно, это меньше, чем лиц, отождествляющих себя с той или иной церковью, но организационно не состоящих в церковной общине. Члены церквей в целом ортодоксальнее тех, кто не состоит в церковных общинах. 10% лиц, не принадлежащих к церкви, практикуют медитацию по правилам какого-либо индуистского или буддийского учения, среди членов церкви таких 7% [14].

⁸ ТАК, опрос, проведенный в одном из американских центров тибетского буддизма, показал, что 34% медитирующих ранее занимались йогой, а 26%—дзенской медитацией [15].

всего бросится в глаза их разнообразие. На первый взгляд, между дзен-буддизмом и «ясновидящими» экстрасенсами, глоссологией и трансцендентальной медитацией ничего общего нет. На самом деле это не так. Все они предлагают некий «опыт». Тибетская, дзенская, трансцендентальная и другие системы медитации, психическая техника йоги и т. д. при определенной затрате сил могут быть усвоены и испытаны каждым. Разного рода знахари, кудесники и религиозные целители лечат (и иногда действительно излечивают). Экстрасенсы публично демонстрируют свои способности, причем считается, что они есть едва ли не у каждого, только в зачаточной форме, и громадное число американцев вдруг «вспоминают», что они действительно когда-то передали на расстояние какую-то мысль. Даже глоссология — вполне реальное психическое явление, которое, очевидно, в соответствующих условиях испытать относительно просто.

Доктрина при этом как бы отступает на задний план. Так, дзен-буддизм, принципиально отрицающий логическое и словесное познание, утверждает исключительную роль медитативного «опыта». «Трансцендентальная медитация» имеет определенное учение — что-то вроде вульгаризированной веданты, но считает единственно важным правильную медитацию. Всякого рода знахари, кудесники и т. п. никаких теорий не проповедают, а лишь утверждают, что обладают определенными «техническими» знаниями, тайно передававшимися в течение веков⁹. Экстрасенсы также просто демонстрируют свои способности, никак их не объясняя¹⁰.

Все эти течения не столько дают научной картине мира мифологическую альтернативу, сколько утверждают некие «факты», которые наука пока объяснить не в состоянии, и выступают как бы ее дополнением и продолжением. Понятия «религия», «вера» встречаются редко, зато в ходу термины «психические исследования», «поле» и «энергия». «Трансцендентальные медитаторы» сами приглашают ученых исследовать психофизиологические аспекты медитации. Те это охотно делают, с интересом констатируя различные физиологические изменения в организме медитирующих.

Однако было бы слишком просто видеть здесь только стремление «спрятаться» за победоносную науку, воспользоваться ее незыблемым авторитетом. Ориентация новых религиозных течений на «факты», «опыт» связана с более сложным процессом в массовом сознании, еще не получившим ясного отражения в данных опросов и социологических исследованиях, но достаточно ощутимым. Современный американец стал свидетелем небывалых научных и технических свершений. Овладение атомной энергией, полеты в космос еще недавно казались фантастикой. Между тем, очевидно, что будущее несет еще более сказочные перспективы, вроде геной инженерии (и неразрывно связанные с ними тоже «сказочные» опасности). У человека возникает ощущение, что в принципе возможно все, что завтра станет обыденным немислимое и непредсказуемое сейчас, что каждое новое открытие не только увеличивает сумму знаний, но и расширяет горизонт неведомого.

То, как изменились представления о возможностях науки, на наш взгляд, четко прослеживается при сравнении старой научной фантастики, скажем, Жюль Верна, с произведениями таких современных американских писателей, как К. Воннегут и Р. Шекли [18—19]. Последних вообще не интересует вероятность тех или иных явлений или открытий. Они априори исходят из того, что все может быть, и спокойно выдумывают различные путешествия во времени и пространстве, «обмен разумом» с жителями других миров (чем не переселение душ?) и даже то, что земная цивилизация «запущена» для каких-то своих целей существами из иных миров (чем не «боги»?). Их фантазия так же свободна, как воображение какого-нибудь древнего мифотворца, которого совсем не интересовало, каким образом совершали боги то или иное действие. Но при этом отношение к плодам своей фантазии у них не серьезное, даже юмористическое. Если же чувства юмора не хватает, может возникнуть явление, подобное сциентологии (религиозное течение, основатель которого — писатель-фантаст Рон Хаббард).

⁹ «Магия не сверхъестественна, а сверхнормальна, т. е. она действует по причинам, которые наука пока что объяснить не в силах», — пишет о колдовстве основатель американской «Церкви сатаны» Ш. Ла Вей [16].

¹⁰ Типичный образчик «массово-интеллигентского» полурелигиозного отношения к экстрасенсам — роман Стивена Кинга «Мертвая зона» [17]. Способности у героя никак не меньше, чем у какого-нибудь святого чудотворца, но обусловлены они мозговой травмой и, таким образом, «сверхнормальны», но не «сверхъестественны».

Однако такая привычность к научным открытиям, бесконечной смене теорий и расширению горизонтов ведомого и неведомого означает, на наш взгляд, некоторое падение в массовом сознании авторитета современной науки, принятых сегодня представлений и теорий. Человек привыкает не только к тому, что наука все время открывает новое, но и к тому, что она постоянно пересматривает свои прежние взгляды. И если ученые говорят, например, что левитация и телекинез противоречат законам природы, и потому невозможны, этот приговор сейчас воспринимается с гораздо большим скептицизмом, нежели выводы менее развитой науки прошлого.

Но меняется не только массовое сознание, изменяется и поведение американского научного «истеблишмента». Когда в конце XIX в. в США возникла секта «христианская наука», одна из «опередивших свое время» предшественниц современных течений, ее влияние вызвало прямо-таки озлобленное отношение тогдашних американских врачей. Нельзя даже представить себе, чтобы солидные ученые сотрудничали с целителями из «христианской науки». Сейчас ситуация совершенно иная. С «трансцендентальными медитаторами», например, сотрудничают и преподают в «Университете Махариши» известные ученые, среди них даже лауреат Нобелевской премии по физике. Появилось немало научных центров, исследующих всякого рода «экстрасенсорные» явления и психофизиологию мистицизма.

Таким образом, в сознании современного американского интеллигента возникают не только причудливые соединения элементов разных религий, но и причудливые соединения элементов религиозной веры и научного знания¹¹. Многие явления не поддаются четкой классификации, их нельзя развести по научному или религиозному «ведомству». Грани размыты, неопределенны. Где кончается научный интерес к пока еще необъяснимому явлению человеческой психики и где начинается вера в чудотворца, новый «куль-тик», слегка прикрытый «научными» словами типа «психическая энергия»? Когда освоение «трансцендентальной медитации» является переходом в новую веру и когда это просто овладение психотерапевтической техникой, интенсивно исследуемой современными учеными? В каком случае НЛО — именно «неопознанные летающие объекты», и в каком они — новое обличье ангелов, чертей, ведьм и колдунов, которых тоже «видели своими глазами» вполне достойные доверия люди? Возникает широкий круг явлений, вызывающий сходное отношение — смесь научного любопытства и религиозной веры, где можно выделить элементы старых и «новых» религий, а также «гипотезы», вызывающие чрезмерный и не всегда чисто научный интерес.

Новый тип религиозности нельзя считать «несерьезным» и временным. Его становление связано, как мы старались показать, с очень глубокими тенденциями в современном массовом сознании США. Очевидно, это естественный, нормальный тип массовой религиозности американского общества в эпоху компьютеров и полетов в космос, тип религиозности, который в перспективе, по-видимому, может стать в США господствующим.

Но религия не изолирована от других областей жизни, и если мы говорим о становлении нового типа религиозного сознания, характеризующегося крайним индивидуализмом, аморфностью, эклектичностью и подвижностью, следует посмотреть, не происходит ли нечто подобное в других сферах американского общества. На наш взгляд, можно назвать ряд параллельных и функционально связанных с описанным выше процессов.

Возьмем, например, половую мораль. Господству христианской религии в США соответствовал определенный тип семьи — муж и жена, связанные нерасторжимым браком и выполняющие жестко закрепленные семейные роли, и их дети. Это четкое разделение мужской и женской ролей постепенно отходит в прошлое. Если сейчас в США доход женщин составляет 25% семейного бюджета, то, по прогнозу Объединенного центра исследования городских проблем, в 1990 г. он будет составлять 40% [20]. Растет число разводов. Если в 1960 г. семьи с одним родителем составляли 9%, то в начале 80-х годов их было уже 20%. Ожидается, что к 1990 г. их будет не менее трети

¹¹ Характерен в этом отношении американский фильм «Война звезд», где действие происходит в неопределенном будущем на самых разных планетах. Главное место в фильме занимают звездолеты, роботы, скафандры и т. п. новшества. Но любопытно, что герои фильма (и положительный, и отрицательный), когда наступает трудная минута, прибегают к помощи таинственной «силы», а не к технике.

[21]. Американцы все реже вступают в брак, и количество одиноких среди лиц брачного возраста возросло за период с 1976 по 1982 г. с 10,9 млн. до 19,4 млн. [22]. Пар, не состоящих в браке в 1970 г. было 0,5%, в 1982 г.— 2% [23]. В 1950 г. 4% детей были рождены вне брака, в 1980 г. — 18%. Число семей, где мать никогда не состояла в браке, возросло с 1970 по 1982 г. на 356% [24]. Возник совершенно новый тип семьи — разведенный отец, оставшийся с детьми. Если в 1970 г. после развода оставались с отцом 7% детей, то в 1982 г.— 11% [25]. Мы уже не говорим о коммунах, объединяющих поборников «свободной любви», о движении гомосексуалистов* и лесбиянок «за равные права».

Таким образом, ослабление традиционной семьи налицо. В то же время ясно, что ни одной из альтернативных ей форм не суждено стать господствующей (как «трансцендентальной медитации» заменить христианство). На смену традиционной семье идет не какая-то новая, нетрадиционная семья, а бесконечное разнообразие типов семейных отношений, легко переходящих один в другой.

Падение традиционной религиозной веры, распространение новых форм религиозности и нового типа религиозного сознания совершаются прежде всего в среде интеллигенции. Здесь же особенно интенсивно совершается распад традиционных норм в сфере семейной морали.

Американский исследователь Р. Вутнау, предложивший следующую типологию отношения к религии — консервативные, либеральные, номинально верующие, нерелигиозные и «религиозные экспериментаторы», обнаружил, что «экспериментаторы», среди которых представители современных интеллигентских религиозных течений (дзена, ТМ и т. д.), имеют самые «либеральные» моральные убеждения. Так, например, одобряют совместную жизнь мужчины и женщины вне брака в соответствующих группах — 20%, 41, 55, 78 и 87%, выступают за свободу гомосексуализма — 15%, 43, 38, 65 и 88%, считают, что необходимо иметь «строгие моральные нормы» — 63%, 45, 29, 24 и 12% [3, p. 173].

Нечто подобное, по-видимому, происходит и в сфере искусства. Эклектизм современного «постмодернистского» искусства, проявляющийся не только в свободном сосуществовании разных стилистических тенденций, но и соединении разнородных стилистических элементов в рамках одного произведения, очевиден. Однако сейчас становится ясным принципиально новый характер этой эклектики или, как пишет советский исследователь А. Рубцов, «ее нежелание быть чем-то переходным, а значит второстепенным» [26]. Это — не эклектика, знаменующая собой период «между стилями», время поисков нового стилистического синтеза: «...для новейшего постмодерна эклектика не побочный продукт беспорядочных стилевых исканий... но сам конечный продукт» [там же]. На наш взгляд, сходство с описанными выше процессами в религиозном сознании, и не только сходство, но и функциональная связь, налицо. Дом, в декоре которого объемные фотографии сочетаются с коринфскими колоннами,— это жилище человека, в сознании которого сочетаются лечение у знахаря и занятия современной физикой.

Таким образом, в США идет глубинный процесс трансформации массового религиозного сознания. Возникает новый тип этого сознания, характеризующийся сугубо индивидуальными, причудливо эклектическими и нестойкими сочетаниями различных религиозных элементов. И этот процесс связан с эволюцией других сторон американского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Religion in America. The Gallup Report, 1984, III, N 222, p. 70—71.
2. Religion in America (1977—1978).—The Gallup Opinion index Report, 1979, N 145.
3. *Wuthnow R.* Experimentation in American Religion. Berkeley and Los-Angeles: University of California Press, 1978.
4. *Cox H.* Turning East. N. Y.: Simon and Schuster, 1978, p. 10—11.
5. *Фурман Д. Е.* Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981.
6. *Herberg W.* Protestant, Catholic, Jew. N. Y.: Anchor Books, Doubleday Company, 1955, p. 91.
7. Time, 1967, April 14, p. 69.
8. Washington Post, 1979, May 12, p. A-24.
9. This World, Summer 1982, N 2.